

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВ

ИМПЕРАТОР
ИЗ СТАЛИ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
В19

Серия «Боевая фантастика»

Иллюстрация на обложке *Сергея Курганова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Васильев, Сергей Александрович

В19 Император из стали: Император и Сталин. Император из стали: сборник / Сергей Васильев. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2021. — 480 с. — (Боевая фантастика).

ISBN 978-5-17-137058-9

Умиравший Вождь перенесся в начало XX века в тело внезапно тяжело заболевшего Николая Александровича... Как поведет он себя в окружении тех, с кем в свое время боролся? Получится ли исправить собственные ошибки? Успет ли спасти Россию, несмотря на лавину покушений на его жизнь тех, кто безнаказанно разворовывал богатства страны?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-137058-9

© Сергей Васильев, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

ИМПЕРАТОР И СТАЛИН

Удивляешься, как быстро проходит день. А потом понимаешь, что это был не день, а жизнь.

Март 1953 года

На мягком ковре, глушащем шаги, в просторной, слабо освещённой, а потому зловещей на вид комнате умирал Великий Человек. Умирал медленно и мучительно. Яд, всасываясь в стенки желудка, куда он попал вместе с лёгким вином маджари, не спеша проникал в каждую клеточку головного мозга и, бесследно разлагаясь, неторопливо блокировал центры жизнедеятельности — обоняние, зрение, движение — и сейчас подбирался к дыханию.

Человеку было страшно и тоскливо. Страшно от подступающего к горлу удушья и тоскливо от собственной беспомощности. Бренность земного величия острее всего ощущается при наличии оногo... И тогда что толку от неограниченной власти над другими людьми, если отказывается подчиняться собственное тело, от твоего слова, повинуюсь которому идут на смерть, если не можешь это слово ни произнести, ни написать?

Но, кроме тоски и страха, была ещё дикая досада. Он проиграл! Он опять проиграл! Третий раз подряд! ОНИ опять оказались сильнее, хитрее и предусмотрительнее. Это была его третья попытка отстранить от власти партноменклатуру, а в результате партноменклатура отстранила его самого. Отстранила старым, как мир, византийским способом.

Его первое сражение с соратниками по революции 1917-го состоялось через два года после смерти Ленина, когда окончательно стало ясно — профессиональные революционеры, всю жизнь свою положившие на разрушение самодержавия, ни на что другое не способны. Во всяком случае, учиться и строить они не желали категорически. Зато их способностей хватало для того, чтобы собачиться по любому поводу и обеспечивать собственное аристократическое существование. В конце своей жизни Ленин сам это заметил, ругал свою же «гвардию», обзывая её советской буржуазией — совбурами — и упрекая в комчванстве.

Тогда он договорился с партией о размене. Они отдадут ему «на съедение» главных революционных вождей, ставших тормозом мирной жизни — Троцкого, Каменева, Зиновьева, и обещают поправить остальных, включив наконец их в работу по восстановлению страны, разрушенной гражданской войной и смелыми социальными экспериментами. Он поверил товарищам по партии и не угадал. И хотя всю «святую троицу» выперли из руководства, а Троцкого — вообще из страны, товарищи-революционеры занялись не борьбой с разрухой и бедностью, а тем, что они умели делать лучше всего — начали готовить новый государственный переворот.

Всю мощь хорошо законспирированного подполья он ощутил в 1936-м, когда провёл через Верховный Совет новую Конституцию — самую демократичную на тот момент во всём мире: всеобщее избирательное право, прямые равные тайные и обязательно альтернативные выборы. Партийные вельможи ответили на это покушение на их власть физическим уничтожением потенциальных конкурентов, за которых мог проголосовать народ. Он потерял тогда преданных ему Я.А. Яковлева, А.И. Стецкого, Б.М. Таля и тысячи простых честных людей, вся вина которых была только в том, что они могли составить конкуренцию на выборах партийным баронам или просто могли неправильно проголосовать. Ответными репрессиями по штабам, как ему казалось, он сломал хребет заговорщикам. К сожалению, это только казалось...

С 1939 года — со времени официального перемирия — ни он партию, ни партия его больше не трогали.

Никакие съезды и конференции не проводились, и он думал, что партия уже окончательно превратилась в общественную мемориально-историческую контору. Поэтому решил в 1952 году вывести её из власти окончательно, упразднив Политбюро и ликвидировав единоначалие. Оставался последний шаг — созвать партконференцию и официально подать на неё в отставку, после чего партия лишится главного символа, а вместе с ним — главного рычага власти.

Он всё точно рассчитал. До мелочей. Даже сел на конференции отдельно от всех остальных партийных функционеров, надев свой старый полувоенный френч, который выглядел на фоне их гражданских костюмов абсолютно чужеродным элементом... Не учёл одного: теперь у партийных аристократов оставался единственный выход из положения — он обязан был умереть на посту Вождя партии. В случае такой смерти его преемник на посту секретаря ЦК в глазах людей автоматически становился Вождём страны... Не просчитав этого, он проиграл...

И это чувство проигрыша было особенно невыносимо. Он не добавил самую малость и пропустил встречный контрудар, думая, что игра уже сделана. А сегодня ночью, когда стало плохо, когда он не дошёл всего два шага до рабочего стола, не дотянулся какой-то пяди до тревожного звонка вызова охраны, предпринимать что-либо было уже слишком поздно. И вот теперь он вынужден лежать в луже собственной мочи и медленно задыхаться... Как же это всё неправильно и несправедливо...

— А зачем? — вдруг невероятно ярко вспыхнула в воспалённом мозгу мысль. Она была настолько ясная и отчётливая, а главное — не его собственная, будто кто-то чужой занёс её прямо в голову, минуя уши. Вспыхнула и рассыпалась на мельчайшие искорки-пояснения: — Зачем тебе всё это? Ты и так уже сделал больше, чем все правители этой земли, вместе взятые. Может быть, стоит хоть один раз не плыть против течения, а заняться более интересными и глобальными делами?

Человек застыл, прислушиваясь... Нет, в комнате никого. Он бы почувствовал это своим особым, звериным, чутьём привыкшего к постоянной опасности хищника. Бред! Бред больного воображения, точнее, отравленно-

го... Какими такими интересными и глобальными делами он может ещё заняться? Червяков кормить?..

— Кстати о червяках, — будто шрапнелью взорвался мозг в следующую секунду. — Почему такое пренебрежение? Они — незаменимая составляющая часть биоценоза. Лучше бы оценил красоту мироздания, где нет ни единой лишней и бесполезной детали!.. Всё имеет смысл и всё находит своё уникальное применение... Даже смерть...

— Кто здесь?! — попытался крикнуть человек, однако изо рта вырвался еле слышный хрип...

— Спокойно, только спокойно... — эти слова уже не взорвали мозг, как граната, а стремительно выросли, как цветы из семян, будто заполнив собой всю черепную коробку. — Не пытайся что-то говорить, просто думай, наш разговор происходит на других физических принципах, нежели примитивное колебание воздушного пространства... Вот сейчас тебе станет легче... Чувствуешь?..

— Чувствую... Что ты сделал? Кто ты?

— Я не делал ничего. Ты просто впал в кому и стал чуть-чуть ближе ко мне... Поэтому нейронные связи твоего мозга не так активно сопротивляются моему воздействию, и ты не испытываешь такого дискомфорта... Сейчас я просто твой внутренний голос, но если тебе больше нравится персонификация, зови меня Айтон.

— Какой Айтон? Здесь не может быть... не должно быть никаких Айтонов! Три кольца оцепления. Охрана. Сигнализация. Бред! Это всё горячечный бред... Кислородное голодание... Мозг хулиганит... Надо успокоиться... Вздохнуть поглубже... Ближе я стал к нему... Я стал ближе к полу! Вот это факт... Ничего, сейчас передохну и поднимусь...

— А вот это вряд ли. То есть я, конечно, не против, но подняться и вздохнуть сейчас уже не получится.

— Ах ты засранец! Да как ты смеешь! Ты понимаешь, что тебе отсюда точно не выбраться! Тебя, дурака, нафаршируют свинцом, как любительскую колбасу — жиром. Давай, включай свет и тихо медленно подходи, чтобы я видел твои руки...

— Ну, положим, чтобы «отсюда» выбраться, надо сначала «сюда» забраться. А я нахожусь на предельно безопасном расстоянии, если вообще термин «расстояние» здесь уместен.

— Так, понятно, они решили свести меня с ума! Где-то работает динамик... Куда они его встроили? Когда успели? Не слушать. Главное — не слушать. Надо заткнуть уши...

— Да я и так могу помолчать...

Человеку показалось, что он уловил в голосе иронию.

— Но легче тебе от этого не станет, время твоё уходит, а оно сегодня как никогда главный невосполнимый ресурс... Может, ты и прав... Давай помолчим. А чтобы не звенело от тишины в ушах, давай послушаем что-нибудь из того, что ты всегда любил... Например, «Фигаро». Исполняет Эмиль Гилельс... Помнишь его?

Человек услышал... нет, скорее почувствовал, как всё окружающее заполняют аккорды Моцарта. Только сейчас они не текли через уши, а будто обволакивали и укутывали в невидимое, но мягкое и тёплое одеяло, вибрирующее в такт музыке... Сразу стало спокойно, весь мир и все переживания стали восприниматься как-то отрешённо... Через несколько минут человек сам решил нарушить молчание.

— Хорошо, я принимаю твои правила, но с одним условием: я спрашиваю — ты отвечаешь.

— Я именно это и хотел предложить. Ты меня опередил. Спрашивай!

— Как ты попал ко мне в голову?

— Это спорный вопрос, кто к кому попал, и главное — это совсем не то, что ты действительно хочешь узнать. Спрашивай смелее.

Музыка прекратила мягко и нежно обволакивать, и как только это произошло, на человека накатила дикая, ни с чем не сравнимая тоска. Страшная мысль, которую он постоянно гнал от себя, огромным раскалённым гвоздём прошла через всё его естество, оставляя после себя дымящуюся открытую рану...

— Я умираю?

Голос ответил не сразу. Такое впечатление, что он тщательно подбирал слова...

— Смотря какой смысл ты вкладываешь в это слово. Если ты имеешь в виду «исчезаю», то нет, а вот переход уже неизбежен. Собственно, я тут именно по этому поводу.

— Ты ангел?

— Для ортодоксального материалиста у тебя слишком патриархальные представления о высших силах. Позволь, я тебе объясню, тем более что время у нас ещё есть. Ты лично можешь наблюдать три устойчивых состояния природы. Первое и самое примитивное — минеральное. Например, камни. Находящийся в этом состоянии предмет не способен трансформировать себя в зависимости от изменения окружающей среды. Более высокая ступень развития — растительная — предполагает возможность самотрансформации и реагирования на изменение условий существования. Например, цветок реагирует на восход солнца, раскрывается, даже поворачивается вслед за ним... Следующая ступень — биологическая, на которой находятся практически все известные тебе живые организмы. Так вот, представь себе обычную капусту, которая раскрывает листочки, радуясь солнцу... И тут подбегает кролик и отрывает капустный лист... Для капусты это принципиально непознаваемая высшая сила, имеющая возможность казнить и миловать. Но мы-то знаем, что это просто кролик... И ты как человек по отношению к кролику — такая же принципиально непознаваемая высшая сила...

— Да-да, я, кажется, читал шутку про спор рыбок: «Ну, хорошо, предположим, Бога нет, но кто тогда воду в аквариуме меняет?»

— Тоже подходит. Так вот, если перейти в другое измерение, то окажется, что человек...

— ...Тоже «капуста» для какого-нибудь «кролика», которого человек считает высшей силой?

— Ну... как аллегория подойдёт...

— Стало быть, ты и есть тот самый кролик?

— Наверно, да... для обитателей следующего по сложности — пятимерного пространства. Даже микроб, но я предлагаю не злоупотреблять аллегориями. Как любые приближения, они таят в себе риск системных ошибок. Достаточно понять, что всё мироздание — это сложная иерархическая система, куда ваш трёхмерный мир вложен, как в матрёшку, в наш четырёхмерный, а он, в свою очередь, разворачивается в пятимерный и так далее...

— А почему я не вижу ни тебя, ни твоего мира?

— Я тоже тебя не вижу. Если я для тебя — это «голос в голове», то ты для меня — сплетение биологических

и электрических импульсов. Твой мир для моего и мой для твоего — это разные поля и излучения, пронизывающие друг друга, но не пересекающиеся. Их можно измерить, но невозможно увидеть... А когда при определённых условиях это всё-таки удаётся, история пополняется ещё одной легендой про призраков, чертей или неопознанные летающие объекты.

— Тогда просто расскажи о нём, чтобы я мог представить...

— Я уже говорил, что более сложный, более многомерный мир принципиально непознаваем... Аллегии грубы, определения неточны. Как можно рассказать от природы слепому, что такое зелёный цвет, если он его никогда не видел?

— И что я никогда не видел?

— Например, ты не видишь электромагнитное излучение, хотя для меня оно не только видимо, но и осязаемо... Я даже могу его скатать и швырнуть, как снежок... правда, тогда ты его тоже увидишь. У вас даже название есть — шаровая молния.

— Так ты Зевс-громовержец? С тобой таким трудно общаться — мешает комплекс неполноценности...

— Пусть он тебя не мучает. Что-то не можешь ты, чего-то не могу я.

— Например?

— Например, нам в нашем измерении недоступна ваша способность конструировать реальность... У нас нет такого широкого права выбора. Кстати, вы, такие прожжённые материалисты, почему-то не осознаёте или не верите, что мысль материальна...

— Наш личный опыт это не подтверждает.

— Наоборот, подтверждает постоянно, только делает это нелинейно...

— И в чём же заключается материальность мысли в случае смерти?

— В законе сохранения энергии: ничто не появляется из ниоткуда и не исчезает в никуда. Накопившие достаточный потенциал переходят в более сложный, многомерный мир, растерявшие его спускаются в более примитивный...

— То есть если по-простому — в рай или в ад...

— Эти слова имеют стереотипы, не отражающие действительность, но за неимением лучшего можно согласиться и с такой формулировкой...

— Ты пришёл, чтобы помочь мне умереть здесь и родиться в вашем мире?

— Для того чтобы помочь тебе умереть, мне пришлось бы записываться в очередь, а вот насчёт нашего мира... Дело в том, что твой потенциал позволяет тебе перейти сразу в вышестоящий мир, минуя наш. И для нас это, не скрою, огромная потеря. Человек с такой энергетикой — большая редкость, и я хотел просить тебя выбрать нас...

— У меня даже есть такое право — выбирать? Неожиданно... А что я ещё могу выбрать?

— Я уже говорил, что люди обладают необычайно широкими возможностями.

— В таком случае, мой выбор тебе не понравится... У меня здесь неоконченные дела...

— Этого я и опасался... Послушай... Подумай... Зачем ковыряться в молекуле одного отдельно взятого кирпича, если твой потенциал позволяет складывать сразу стены Мироздания? У тебя есть возможность пользоваться принципиально иными инструментами! Ты думаешь, что материальный мир — это то, что ты видишь? Да это меньше одной миллионной процента! Чайная ложка вещества нейтринной звезды весит миллиарды тонн, вспышка сверхновой ярче света целой галактики, до края видимой Вселенной лететь тринадцать миллиардов световых лет... И возможность прикоснуться ко всему этому променять на возню с отстранением от власти какой-то партии?.. Оно того стоит?

— Не знаю, но по-другому я не смогу...

— *Ну что ж, будет всё, как ты захочешь, но совсем не так, как ты себе это представляешь...*

* * *

Из воспоминаний дочери Сталина — Светланы Аллилуевой:

«Отец умирал страшно и трудно. И это была первая — и единственная пока что — смерть, которую я видела. Бог даёт лёгкую смерть праведникам...»

Последние двенадцать часов уже было ясно, что кислородное голодание увеличивается. Лицо потемнело и изменилось, постепенно его черты становились неузнаваемыми, губы почернели. Последние час или два он просто медленно задыхался. Агония была страшной. Она душила его у всех на глазах. В какой-то момент — не знаю, так ли на самом деле, но так казалось, — очевидно, в последнюю уже минуту, он вдруг открыл глаза и обвёл ими всех, кто стоял вокруг. Это был ужасный взгляд, то ли безумный, то ли гневный, и полный ужаса перед смертью и перед неизвестными лицами врачей, склонившихся над ним. Взгляд этот обошёл всех в какую-то долю минуты. И тут — это было непонятно и страшно, я до сих пор не понимаю, но не могу забыть — тут он поднял вдруг сверху левую руку (которая двигалась) и не то указал ею куда-то вверх, не то погрозил всем нам. Жест был непонятен, но угрожающий, и неизвестно, к кому и к чему он относился... В следующий момент душа, сделав последнее усилие, вырвалась из тела».

Утром 6 марта из правительственного сообщения для народа СССР и всего мира стало известно, что 5 марта 1953 года в 21 час 50 минут вечера после тяжёлой болезни скончался Председатель Совета Министров СССР и Секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Иосиф Виссарионович Сталин.

Октябрь 1900-го

Осень 1900 года для самодержца Российской империи Николая II могла вполне стать последней.

24 октября домашний врач императора Г.И. Гирш записал, что ещё 22 октября у Николая II началось «небольшое расстройство пищеварения».

26 октября в дневнике царя появилась запись: «Вчерашнее недомогание не прошло, и я принуждён был остаться в постели. Сначала думали, что у меня инфлуэнца, но через несколько дней доктора решили, что у меня брюшной тиф...» Затем записи в дневнике прерываются вплоть до 30 ноября 1900 года, поскольку температура у Николая II была уже под сорок градусов.

Это было неожиданное и во всех смыслах странное заболевание, которое сопровождалось целым списком чисто детективных событий. Начнём с того, что во всей Ливадии так и не смогли выявить ни одного переносчика этой заразы. Непонятно откуда взявшаяся «инфекция» долбанула конкретно по одному человеку, из-за чего возникли и рассматривались самые экзотические варианты источника болезни.

Накануне всех событий посланник турецкого султана Турхан-паша преподнёс в подарок Николаю Второму турецкий альбом с фотографиями (запись в дневнике Николая II от 23 октября 1900 года). Врачи сразу уцепились за это событие, предположив, что именно через альбом император мог якобы заразиться тифом — других источников просто не выявили, хоть и усердно рыли носом. Подозрения усугубились, когда этот пресловутый альбом при таинственных обстоятельствах 26 октября бесследно исчез из Ливадийского дворца.

Таинственной и подозрительной, как свист в ночи, была постановка диагноза, точнее, её стремительность. Большая медицинская энциклопедия указывает, что *в кровяной сыворотке следы тифозных бактерий могут быть обнаружены ТОЛЬКО на 8-й, в лучшем случае — на 4-й день, когда и становится возможным поставить точный диагноз.*

В случае же болезни Николая Второго диагноз был поставлен в течение суток — нереальная для этой болезни оперативность! В эту же копилку ложится отсутствие у царя одного из важных и отличительных симптомов брюшного тифа — так называемой розеолёзной сыпи.

Однако все эти медицинские нестыковки затмило поведение находящейся в положении императрицы Александры Фёдоровны, ставшее главным сюрпризом для окружения императора. С первых дней болезни Александра решительно взяла ситуацию под контроль и установила режим тотальной изоляции царя, исключая любое общение Николая с кем бы то ни было из придворных и родственников.

Генерал А.Н. Куропаткин отмечал:

«Вот уже шестой день Государыня никого, кроме врачей, не видит сама и не допускает к Государю. Сама спит

с ним в одной комнате и ухаживает за ним, дежуря посменно со своей няней. Никаких предосторожностей ни за себя, ни за детей не принимает. Тесно — и не дезинфицируют».

Между тем брюшной тиф — весьма заразная болезнь. Императрица этого не могла не знать, как и то, что она рискует не только своей жизнью, но и жизнью своего будущего ребёнка.

Изоляция царя не ограничивалась только общением. Другим значимым и шокирующим известием стало прямое указание царицы, в котором она объявила всем министрам, что ни одного документа не допустит до Николая Второго. По её приказу все бумаги должны быть адресованы на её имя, а после этого она сама будет разбираться, «что и когда показать императору».

А вот эта заявка уже выходила далеко за рамки чисто семейных отношений. Александра Фёдоровна на глазах изумлённой публики де-факто перехватывала управление империей.

Полностью изолированы от императора оказались не только министры. Во время болезни сына вдовствующая императрица так и не смогла достучаться до сердца своей невестки: она общалась с Александрой Фёдоровной через телеграммы, и все её советы и просьбы были проигнорированы. Сведения о протекании болезни Николая царице-матери отправляла её дочь — великая княжна Ксения Александровна, которая в это время проживала рядом в своём имении Ай-Тодор.

В письме к царице-матери Александра Фёдоровна не только запретила ей приезжать к больному сыну, но и предупредила, что никому не уступит своего места у постели больного.

Отказывая в предоставлении какой-либо информации матери Николая Второго, Александра Фёдоровна повелевала, чтобы с 3 ноября подробные бюллетени о течении болезни царя отсылались английской королеве в Виндзор, что вообще выходило за рамки элементарных приличий и генерировало слово, произносимое пока шёпотом, ставшимся, однако, всё более отчётливым. И это слово было «заговор!».

Даже у далёких от политики чиновников поведение Александры вызывало стойкое недоумение: если го-